

Шнайдер (Ципкин) Хануся

Родилась в 1927 году.

Помню, что с 1 августа 1941 г. находилась в немецком гетто м.Чечельник Чечельницкого района Винницкой области с матерью Ципкиной Рейзья Мошковной, 1903 г., сестрой Ципкиной Марией Рувиновной, 1937 г. Отец и брат находились на фронте и погибли: Отец, Ципкин Рувин Семёнович, погиб в январе 1945 года, брат, Ципкин Мика Рувинович — 4 апреля 1945 г.

Мать с двумя детьми эвакуироваться не успела. Хотя уже прошло 64 года, этот день, когда ворвался карательный отряд, мне не забыть. Нас всех согнали на площади, отобрали мужчин, им дали лопаты и велели выкопать ямы. Стариков тут же расстреливали. Продержали нас целый день, потом оставшихся в живых загнали в школу, солдаты, охранявшие нас, без конца стреляли. И убитые лежали несколько дней с нами, затем нас выгнали по домам. Нам пришлось переступать через трупы расстрелянных.

Вернувшись домой, мы оказались без вещей, окна, двери были побиты, и всё было уничтожено. Нас всех согнали на одну улицу. В одном бараке нас оказалось много. Голодные, в грязи, в холоде. Я заболела тифом, чесоткой. Люди умирали сотнями, и они лежали вместе с живыми. Была создана еврейская община, которая прекрасно знала, что под видом, якобы, на работу нас гонят, чтобы уничтожить. Я боялась одинаково немцев, полицаев и работников общины (когда мы были освобождены, начальник общины Йоська Заславский был осуждён и выслан на работу в шахту Донбасса).

После длительной болезни я полгода не могла ходить — осложнение после тифа. Меня больную, зимой, босиком, раздетую погнали на работу в кагатах сахарного завода выбрасывать гнилую свеклу. Была возможность кормиться этой свеклой, если патруль не замечал. Это было опасно, многие заплатили жизнью. Оттуда очень многие не возвращались. Полицаи тоже издевались, убивали. У нас был всем известный полицай Павло, который имел колоссальную палку метра полтора, в эту палку он забил гвоздь. Когда становилось известно, что Павло идёт, все прятались, а кто не успевал, он проткнёт этой палкой, и это смерть, причём, мучительная. Когда полицаи почувствовали, что войне конец, им необходимо было избавиться от всех евреев сразу, потому что это были свидетели их грабежей, убийств, издевательств. Для этого они убили румына, решив подбросить в гетто, и тогда евреям всем будет конец. Но они были настолько пьяны, что уснули рядом с убитым румыном. Немецкий патруль наткнулся на них. Их всех погнали в г.Ялту, и они все, в том числе, полицай Павло были казнены за убийство румына. По видимому, есть Бог, только потому, что полицаи признались в своём сговоре, нас в этот день пощадили, и мы избавились от такого жестокого «человека» — Павла.

Однажды, когда нас гнали на работу, немец в очках показал рукой на меня. Смешав стекло с землёй, заставил меня кушать. Я, обливаясь слезами, стала жевать. Этот немец находился на квартире у русской женщины, её звали Настя. Мама побежала к этой женщине и на коленях уговорила её, чтобы она меня спасла. Настя подошла к нему. Начала с ним разговаривать, а мне кивнула, крикнув: «Убегай!».

Неоднократно я попадала в облаву, но каким-то чудом мне удавалось остаться в живых, благодаря хорошим людям. Нам стало известно, что будут расстреливать. И тогда нас несколько человек собралось и пошли пешком в м.Бершадь. Мы шли несколько ночей, прятались, было страшно, но очень хотелось жить. Жители приняли нас, с жалостью смотрели, накормили, но хозяйка, посмотрев на меня, сказала: «Девочка, прости, у тебя чесотка, а у меня дети, поэтому ищи другое место». Я прекрасно понимала, что нигде не смогу ночевать.

Одна женщина работала на крупорушке, она меня пожалела, повела в больницу, попросила фельдшера-старика, он сделал мазь (деготь и керосин) смазал меня несколько дней, и я ожила. Этот человек это сделал с большим риском, потому что, если бы врач узнал, что он еврейку да еще с чесоткой лечил, ему бы — смерть.

Прошло некоторое время, и в Бершади тоже начались расстрелы, и там оставаться стало опасно, и я возвратилась опять в Чечельник. По пути встретила очень много хороших людей. Я была в деревне Вербка Чечельникского района, там люди с жалостью, отрывая у своих детей, выносили еду, одежду. Говорили, в какой квартире полиция и как пройти, чтобы не наткнуться на немцев. Прятаться больше не имело смысла, было очень опасно, и я вернулась в гетто Чечельник, решив, что будет со всеми, то будет и со мной.

Нас осталось очень мало, но мы по сей день встречаемся как родные.

14 марта 1944г. Красной Армией мы были освобождены. И кто знает, может быть, опоздай армия на несколько недель, нас уже в живых бы не было. Да, это был конец великих страданий, продолжавшихся девятьсот три дня. Сотни тысяч замученных голодом и пытками, униженных, оскорбленных людей в большинстве, стариков, женщин, детей, включая малолетних и новорожденных.

Посмертно. Вечная им память!

